

К•У•М•А•Р•И

АНАНДЛА

Десять лет с йогинами,
целителями и шаманами

•
Индия – Непал – Суматра

Кумари АнандЛа. Десять лет с йогами, целителями и шаманами. Индия – Непал – Суматра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785446

*АнандЛа. Десять лет с йогинами, целителями и шаманами. Индия –
Непал – Суматра /Кумари: Ганга; Москва; 2021*

ISBN 978-5-907432-26-0

Аннотация

Что скрывают индийские йогини от европейцев? Как лечат шаманы Индонезии и целители Непала? Что такое черная и любовная магия? Как от нее защищаются в Индии?

Как найти направление, когда ты потерян в жизни? Как реализовать духовное знание, живя на земле?

Что бывает, когда снаружи все хорошо, – но внутри что-то не так?

Как нас однажды пробуждают?

Рассказ об этом, сотканный из путешествия длиною в десять лет. Женский путь в йоге и тантре. Документальная и очень личная история. Гималаи, джунгли, священные города Варанаси

и Катманду, остров Суматра, встречи и беседы с необычными людьми.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Молитва	8
Сила	11
«Русское затмение»	15
Перемены	17
Накануне	20
Граница	25
Внутренний голос	30
Дели	34
Поезд в Варанаси	42
Варанаси	48
Философия	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кумари
АнандЛа. Десять лет с
йогинами, целителями
и шаманами. Индия
– Непал – Суматра

*Посвящается Сатурну – планете йогонов и тех,
кто умеет ждать.*

© Пащенко Е. Н. Текст, 2021

© ООО ИД «Ганга». Издание, оформление, 2021

Молитва

Сначала был человек, который постучал в мою дверь, но ушел, не дождавшись, когда я открою. Я сразу решила, что это знак, потому что это событие повлекло за собой второе – такое же неясное, как и первое.

Под дверью была записка с изображением Ганеши – индийского божества. «Продолжай говорить с богами» – так было сказано на обороте.

А вы – обращаете внимание на знаки?

Я думаю, что знаки есть всегда.

Вселенная как-то умещается в этом мире. Я имею в виду – весь этот Абсолют умещается в нашей личной жизни. Отсюда такое немыслимое противоречие разумности, логичности, планирования – результатам жизни, которые непредсказуемы.

Я больше не уверена, что мы обладаем разумом. Я думаю, что разум существует нами, живет нами. И он где-то больше – в душе или в сердце.

Я думаю – разум в теле, и тело говорит мудрее, и есть отдельные личности, умеющие читать это тело, как я иногда умею читать знаки.

Так вот, в тот день, когда в дверь постучали и человек ушел, не дождавшись ответа, я поняла, о чем идет речь. Я поняла предыдущий странный сон. Сон, где мое тело состо-

яло из звезд.

Среди этих звезд была одна большая, темная, фиолетовая звезда, и каким-то внутренним знанием она отразилась как Сатурн.

Несколько дней после этого я получала из разных источников новости – все они как-то были связаны с Сатурном.

Эта планета приходит за душой человека.

Нет, она не забирает нашу душу, она предупреждает о том, что есть что-то такое, что ты уже не видишь, что где-то в тебе есть какая-то темная, запретная зона. Есть внутренние похороны, на которых ты не выплакал слезы. Если бы ты тогда заплакал – ты бы переродился.

С этим пониманием и с картинкой Ганеши я улетела в другую страну.

Звезды мне напомнили о странных явлениях, которые мы не можем контролировать, которым нет места в обычной жизни. Они – эти явления – совершенно бесполезны. Как этот стук в дверь – а за ней никого. Как эта записка: «Продолжай говорить с богами».

В нашей жизни существует множество не замеченных нами, мало осознаваемых событий, смысл которых – изменять нас. Не созидать, не заботиться о нас, не провожать нас каждый день на работу – изменять нас.

Эти события... возможно, они самые главные в нашей жизни. В них существует какая-то особая, мистическая сила быть не понятыми нами, неподвластными нам, превосходя-

щими нас. У этих событий есть абсолютная власть над нашими правилами. Они разрушают то место, где мы хотим сохраниться как старое.

Если очень присмотреться, то самые важные события – не создают нас. Они вызывают сильную химическую реакцию. Внешне кажется, что все ужасно. Внешне кажется, что это бесполезно, глупо.

Но посылка уже пришла.

Человек за дверью никогда не появится снова. Он был просто посланником. И послание уже вошло в самую нашу темную точку.

Там, где невозможно измениться самостоятельно, – все теперь безвозвратно меняется.

Это все, что я могу рассказать об этих явлениях: я умею их читать. Я не могу управлять ими. Я не могу влиять на них. В этом месте я остаюсь только писателем того, что уже случается...

Если бы я имела власть творить, я бы сама придумала такую силу, которая знает все сама за меня, которая лучшее из всего, что я могу придумать в своей жизни: что-то такое, что превосходит мой контроль, что-то очень-очень сильное.

Возможно, эта сила была бы планетой. Я назвала бы ее Сатурном, я бы окрасила ее в фиолетовый, точно как во сне, что я видела.

Сила

Женщина приручает зверя руками.

Пока он дикий – она становится сильнее. Она тренируется на тиграх, на волках. Потом она вырастает из всех своих зверей, как дети вырастают из одежды. Ломаются кости, она оглядывается по сторонам. В ее стране не существует других животных. Ей нужен новый зверь, чтобы тренироваться. Она охотится за силой, а значит, вначале должна быть слабее.

Дверь кабинета со скрипом открывается, выворачивается наружу. Сначала появляется край ботинка, потом край пальто, и вот сам господин.

– Я не хочу, чтобы ты задерживалась в офисе. Переговоришь, потеряешь вкус к делу.

Он уходит, не прощаясь. Я его глаза и уши. Прихожу первой, ухожу последней. Кажется, у меня нет личной жизни, но она принесена мною в жертву – на алтаре, на камне, в глубине леса.

«Переговоришь, потеряешь вкус к делу» – слова людей создают реальность. Но если это так, то что такое «реальность» и что такое «слова людей»?

Я ухожу из офиса в последний снег города. Каким-то чутьем я знаю, что дальше уже только лето.

Пройдет совсем немного времени. Снежинки будут таять, уходя в подземные воды. Последний снег не так заметен, как

первый.

Мы здесь перестали замечать переходы. Почти скрылись от всего земного, от всего, что пробуждает наши чувства. Даже высший разум нам не нужен. Что у нас осталось? Вера? Вера во что-то такое прочное, механическое, объективное. Я часто думаю об этом, когда хожу. Хожу от офиса к метро, от метро к квартире, где живу.

В Москве ты можешь много ходить. Простор ощущается даже здесь, на улицах города. Простор изоляции – не тот, что бывает в поле, не тот, что образуют уходящие в горизонт ромашки. Здесь это скорее про холод. Про то, что мы друг с другом совсем не связаны.

Я называю этот простор отсутствием самого важного, потерей забытого.

Что мы потеряли?

И откуда все эти мысли про жизнь?

Сколько свободы у меня сейчас? Можно ли выбрать выход отсюда? Я будто двигаюсь совсем не туда. Но вот уже сейчас, постепенно, что-то громче и сильнее, чем я, заполняет меня собой.

Я будто бы цепляюсь за край чего-то большего.

Дома субботним утром я заполняю страницы ежедневника.

Мой мужчина варит мне черный кофе.

– Из кофеварки или в турке?

Я почти его не слышу. Я вычитываю свой новый проект по маркетингу. Он садится рядом и исправляет мою орфографию. Обычно я не вижу слов и букв, когда пишу... Я вижу что-то помимо этого. Слова для меня – рисунок.

Но тогда я не смогла рассказать ему этого...

Мы вдвоем. Мы отладили нашу жизнь.

Мы отвлекаемся на нее лишь тогда, когда что-то ломается. Если поломка невелика, мы делаем вид, что все в порядке.

Он работает инженером, я руковожу отделом маркетинга. Нам удобно вместе. Я давно не помню, как было до него.

Мы проживем вместе до смерти... в этой маленькой уютной квартирке.

Старый шкаф с книгами. Желтые тома индийских священных текстов. Упанишады. Старое издание «Махабхараты». Китайские предсказательные заклинания «И-цзин».

Я создаю из всего этого цитаты. Запоминаю наизусть, вырезаю, помещаю под рамки.

Книга о Раджастане. Там, под деревьями баньяна, в городах, где говорят с богами...

Где это – Раджастан?

Я не перечитываю эту книгу жизни в желто-розовых разводах неизвестного мира.

По ночам мне почти ничего не снится.

Я теперь пустая и бесформенная. Я расплываюсь внутри равномерного. Я уже не голодная, не борюсь за свою жизнь.

Я неинтересная.

Яркий белый свет во сне.

Что это за свет?

Я не могу вспомнить.

«Русское затмение»

Затмение – это демон, создатель иллюзий. Он мягко касается тебя лунной тенью. Там, где ты соединяешься с ним, возникают перемены.

Реальность меняется здесь и сейчас, пока ты сидишь в своем доме, пока «ничто не предвещало», какая-то сила меняет привычное «здесь и сейчас» и, словно змея, незаметно кусает. Яд меняет тебя изнутри. Ты ощущаешь тяжесть всего, что умерло, ты становишься ею – этой самой пластичной змеей, проникающей туда, где раньше ты никогда не был.

Затмение 1 августа 2008 года началось в 13:21 на севере Канады, близ залива Королевы Мод. Позже его назовут «русским затмением». Двигаясь в восточном направлении, лунная тень прошла Северный Ледовитый океан, коснулась России, вступила на полуостров Ямал. В 14:02 затмение достигло пика.

Солнце почернело. Люди смотрят на небо в специальных очках. Офисы, магазины, школы – вывернуты наружу. Люди так редко смотрят на небо. Только когда что-то ломается, только когда что-то не так. Может, для этого существуют поломки жизни? Чтобы заставить нас останавливаться.

Четвертый этаж, на лифте с двумя линиями кнопок: вверх и вниз. Одно помещение, другое, а между ними – стены. Деловые сумки, плащи, блокноты, распечатанные факсовые со-

общения. Мой стол и компьютер. Я открываю MS Word, набираю несколько строк, перечитываю: «Заявление на увольнение». Набрано по образцу.

Через двадцать минут люди вернулись к работе.

Перемены

Пять утра. Мне не спится. Надо только набраться смелости. Сказать, что это серьезно, что это не просто одинокое путешествие.

Я уезжаю для себя, я уезжаю насовсем. Я не хочу ничего из того, что могу иметь.

– Не удерживай меня, пожалуйста. Мне тоже трудно.

– Ты кого-то встретила, влюбилась? – спрашивает он меня снова. – Мы ведь так хорошо жили.

– Не влюбилась, просто хочу уехать. Уезжаю. Я не бросаю тебя. Я оставляю все целиком. Ты не виноват, просто ты и был всем, что у меня было.

– Значит, это все? И ты мне сообщаем это вот так? Мы – самые близкие друг другу люди.

– Ты просто не заметил, как между нами выросла стена, что у меня теперь свои интересы. Мы давно не разговариваем по вечерам. У тебя свой досуг, а у меня – свой. Помнишь, недавно, уезжая в командировку, я спросила тебя, будешь ли ты по мне скучать? Ты даже не посмотрел на меня, ты смотрел на экран телевизора.

– Всем иногда нужен перерыв, поэтому я так ответил.

– Вот и мне тоже нужен перерыв. Только очень длинный.

– Давай решим так, – говорит он, выдержав паузу, – ты поедешь, но мы не будем расставаться. Просто побудь там

одна. Сделай, что хочешь, а затем приезжай обратно. Я буду тебя ждать. Я совершенно не ожидал ничего подобного. Я думал, что это все навсегда: ты и я. Я думал: «Вот моя женщина, я нашел ее, это на всю жизнь». Я не понимаю, что происходит. Чем я тебе мешаю?

Я как будто под водой. Я и сама хотела бы его услышать. Но это уже такое «далекое».

– Я просто хочу понять себя. Мне нужно пожить несколько месяцев без телефона, без ноутбука. Без планов. Самое главное: я не хочу никаких планов. Мне надо вернуться назад – до того, как я начала планировать эту жизнь. Что там было? Я не помню... Нет, ты не сделаешь меня сильнее. Ты поддерживаешь меня, но не развиваешь. Ты оберегаешь меня, но не даешь расти. Тебе нечего мне предложить, потому что внутри я сама неизвестность, само разрушение. Скрытое землей подземелье, где живут драконы. Мне нужна моя сила. Я хочу разбудить ее.

Следующим днем, как ни в чем не бывало, мы идем в кино. На обратном пути заходим в кафе. Мы не говорим о моем отъезде. Мы не разговариваем снова. Он пытается отвлечь меня городом, развлечением, едой.

Мы приходим домой, и еще у порога, по звону ключей в замочной скважине, по дребезжанию ушедшего лифта за спиной, я чувствую негу дома.

Как быстро «забирает» это убаюкивающее, с желтым светом, теплое пространство. Календарь на стене – от понедель-

ника до красных «праздничных» точек.

Остаться еще на немного?

Остаться?

Наверное, так было задумано Вселенной: чтобы вернуть мужчину, надо вернуться к себе. Теперь он ждет меня. Он здесь, со мной, он смотрит на меня и слушает. Мы говорим – как никогда не говорили, гуляем вместе по улицам Москвы. Вечером он читает мои книги – книги, которые были ему безразличны: «Старик и море» и «Сто лет одиночества». «Мы ведь так хорошо живем, посмотри», – говорит он, открывая двери квартиры. Я смотрю через коридор, через кухню – вижу Индию.

Так проходит лето и осень.

Накануне

Центр Москвы, маленькое кафе на Таганке. Это наше кафе. Мы встречаемся здесь по пятницам, когда есть время. Моя подруга... она похожа на кошку.

Она кладет локти на стол, стучит по нему ногтями, опирается подбородком в сжатые кулаки и смотрит на меня исподлобья.

Мы называем друг друга сестрами.

Я не помню, чтобы я плакала так раньше – чтобы слезы приходили вначале, а потом я чувствовала их на коже. Я не знала, что в этом может быть спасение: накалить ситуацию до предела, а потом отпустить ее.

– Ты знаешь, делить... делить нам нечего. За два года мы ничего с ним не нажили... Только книги. Заберешь мою половину?

– Заберу и буду читать!

– Иногда я просыпаюсь по ночам, сползаю с дивана, обнимаю себя за коленки и думаю: «Что же я делаю?» Несколько месяцев назад я зашла в магазин и поняла, что больше там ничего не хочу. Мне больше не интересно это: ни еда, ни одежда. Но дело не в этом безразличии к тому, что у меня есть, а в том, что я знаю, что есть что-то еще. Я чувствую ясное, сильное притяжение к неизвестному мне будущему. Я знаю, что будущее есть. Оно совсем другое. Оно заполняет

все. Оно одолевает меня днем и ночью. Ни в чем и никогда я не была так уверена, как в этом путешествии.

– А как же работа? Ты же так любила свою работу.

– А так ли хороша жизнь, если единственное, что я люблю в ней, – это тяжелый, спертый воздух в офисе? Я как будто где-то в финале всего, и, подойдя к такому финалу, я хочу вернуться в мое сейчас, в эти двадцать четыре года, чтобы исправить все заранее. Понимаешь?

– Не понимаю. Мне было бы страшно. Одна, в незнакомую страну, в первый раз.

– Люди боятся самих себя, собственной глубины, неизвестной бури, которая затихла где-то внутри. Я думаю, есть два типа людей. И здесь деление людей имеет место быть. Оно полагает наш путь. Первые: мечтают и делают все, чтобы исполнить свою мечту, а за ней – следующую. Вторые: просто осуждают такую жизнь. У меня всегда была мечта в жизни. Если ты стал тем, кто исполняет мечты, ты не можешь бояться. Страх никогда не является опцией. Люди не живут, потому что они выбирают страх. Родители их погасили, мир их раздавил, теперь их нет. Но есть еще другие соблазны – стабильная жизнь. Страх потерять то, что имеешь. Я не боюсь ничего из этого. Мне противно бояться. Я готова умереть, чтобы жить.

– Умереть от дизентерии? От чего умирают в Индии? Ты не делаешь прививки перед отъездом, верно?

– Я сделала выбор не делать. Важно не то, что я не делала

их. Важно, что я не пошла за всеми. Я не отдала ответственность другим. Я размышляла об этом и решила не делать. Я взяла ответственность на себя. Не делать прививки – мое решение. Мое решение могло быть и другим. Люди принимают миллионы неверных решений из-за страхов. Люди, которые кем-то стали... я думаю, это случилось с ними случайно. Потому что они просто шли, не выбирая страх.

– Как... он? Что говорит?

– Он смотрит футбол и пьет пиво. Я сажусь рядом. Чем это закончится для нас обоих, если я останусь?

– У тебя будет пивной живот.

– Это было бы смешно, если не было бы так грустно.

– Ты его не любишь?

– Знаешь, есть точка, где мы ничего не знаем друг о друге.

Мы никогда не встречаемся там. И это как фон. Я всегда чувствую, что могу быть только одной из своих граней с ним. Он не принимает меня разную. Он давно определил меня как что-то понятное ему. Все остальное – он не хочет это знать, это пугает его. Я научилась быть с ним, но при этом жить в одиночестве.

– Может, люди не могут быть ближе, чем просто рядом? Кто сказал, что можно по-другому?

– Каждый день я задаю себе вопрос: «Зачем я здесь?» Но он говорит, что это просто глупости. Что надо «быть проще». Такая простота побеждает сложность, и с ним я чувствую, что проигрываю. Но виноват ли он? Если бы внутри было

все хорошо, то и наружу проливалось бы счастье. Как там говорят люди? Все проблемы внутри нас самих. Верно? Он – это он, какой есть... Я – это то, чем я буду дальше, когда уеду.

– Ты хочешь уехать. А чего хочет он?

– Он хочет дом и детей.

– Ну, это нормально. Ты уедешь, у него будет шанс создать все это для себя с другой женщиной. Дети – это важно.

– Я согласна с тобой.

– Может, ты все это усложняешь? Если ты несчастлива с ним, то можно ведь просто расстаться. Необязательно улетать так далеко. Или ты решила искать в Индии духовное просветление?

– Дело не в Индии. Это могло быть любое другое место. Я слишком много набрала не своего. Мне нужно... как это называется? Обнуление? Никакого Гоа, никаких индийских ашрамов и гуру. Никакой «духовной тусовки». Ничего не копировать, никакой чужой истины. Если ты заметишь, что я становлюсь излишне религиозной – вытаскивай меня. Это знак, что я попала в секту.

– Ну хорошо. Вот ты прилетела в Дели, а что потом?

– Пока не знаю. Буду чему-то учиться.

– Учиться йоге?

– Учиться читать внутреннюю суть вещей и событий.

– Знаешь, это все несправедливо! Я всегда мечтала поехать в Индию, а уезжаешь ты. Все детство я смотрела бол-

ливудские фильмы. Танцевала. «Джими, Джими, ача, ача». Знаешь этот фильм?

– Никогда не смотрела.

– Давай еще поговорим про мечты, про что-то в будущем времени...

Мы выходим из кафе. Прямо над нами низко-низко пролетает сова. Она почти касается нас крыльями и бесшумно исчезает на чердаке старого дома на Таганской площади.

Первые звезды на небе.

Я спускаюсь в метро. Как в последний раз рассматриваю мраморную плитку на стенах станции.

Вижу туристов – они, наверное, японцы. Они делают фотографии и глядят во все глаза на то, что было не замечено мною. Стены большого города. Подземелье из мрамора. В таких подземельях обитают драконы.

Рядом с ними гид с белым флажком. Что-то в этой сцене от немого кино. Это, как холод, пробирает меня до костей, до дрожи.

Будущее.

Так ощущает наше тело будущее...

В вагоне одни и те же лица. Слишком близко, чтобы взглянуть в глаза друг другу. Завтра этого мира для меня уже не будет.

Завтра я улетаю в Индию.

Граница

Мы не спим. Просто ворочаемся в кровати. Когда он наконец засыпает, то обнимает меня так сильно, что мне становится больно.

Я аккуратно выбираюсь из его объятий и иду глядеть в окно на сереющее небо.

Осторожно, чтобы не разбудить.

Иду на кухню в полутьме, по свету уличных фонарей, почти сквозь стены – наружу.

Плоские, серые здания, куда ни глянь. Узкие дорожки тротуаров ведут из нашего двора в другие. Супермаркет прямо через дорогу – еще закрыт. Ряд машин, запорошённых утренней дымкой, и песочница, в которой никто никогда не играет. Небо черное, точное, звонкое, переплетенное с тишиной. Вся суть бытия перед глазами.

Когда только начинается утро, где-то в четыре или в пять. В тот день, когда я улетаю в Индию.

Я почти не помню этот наш последний рассвет вместе. Я уверена, что дело было во времени. Сегодня оно замедлилось.

Собранный рюкзак кланяется у порога, вот-вот упадет на мои зимние сапоги. Одна чашка кофе и вторая. Сколько их сегодня будет еще?

Мой вылет через восемь часов. Два часа до аэропорта. Два

часа там, и еще четыре, чтобы поспать.

Но не спится.

Как открывается коридор в новый мир – этот небесный портал, где за шесть часов можно попасть в новую жизнь, не умирая в промежутке? Что такое тибетское бардо? Я читала об этом в наших книгах. Я оставляю эти книги ему.

Он проверяет крепления на рюкзаке, упаковывает мне бутерброд в дорогу, кладёт несколько запасных кусочков сыра, аккуратно заворачивает всё в пластиковый контейнер. Он пытается шутить, а я подыгрываю его шуткам, и у нас почти получается растворить многодневное напряжение. Он уверен, что все еще вернется и будет как прежде. Он умеет молчать ради мира и гармонии.

«Остаться и передумать?» – смотрю я на него. – «Никуда не ехать? Провести две недели дома, просто отдохнуть?»

Но когда мы выходим на тающий снег, чувство дома проходит.

Я улетаю в Индию.

Это сегодня.

И это лучшее, что случится со мной.

Перемены окрыляют. Они врываются сначала в мысли, но не хватает сил. И ты бродишь с этими мыслями, перебираешь их и спишь с ними. И потом начинает приходить сила. Эта сила приходит из какой-то бесконечности. Из точки летоисчисления, из божественного.

А затем метро и гул людей. Я хочу спать и почти не чувствую тело. Так волнительно, что я как будто взлетаю вверх до начала посадки на самолет.

Каждые две – три минуты я проверяю часы.

Каждая минута – как удар, который нужно отбить.

Кажется, мне стыдно. Вот – это новое для меня чувство.

Теперь я грешна, и так начинается мое падение.

Я не еду работать, не еду учиться. Меня не за что уважать.

Здесь моя самооценка рушится.

Я всегда презирала бездельников.

Я просто улетаю, убегаю от проблем.

Убегаю от всего, что знаю, где работаю, где люблю и сочиняю письма. Письма по работе, письма с регистрацией и номером на каждом. Эти письма запирают в папки. Но теперь у меня свободные мысли.

Как же будет там, без всего этого, после этого?

Белый лист, о котором пока ничего не известно.

Мы – за три часа до вылета – проверяем мой рейс у электронного табло внутри аэропорта.

Я прошу: «Скорее, скорее». – Давай просто вот так постоянно еще немного, – говорит он.

Мы так и не поговорили откровенно. Ему так проще – не знать ничего.

Я опять смотрю на часы.

– Ты так остановишь время, – шутит он.

Он обнимает меня. Снег на его кожаной куртке превра-

тился в мутную воду.

Мы идем в кафе. Еще одна чашка кофе. Он говорит о своем отце, об их новой квартире. Еще одна квартира. Но мне ничего не нужно – ни тогда, ни теперь. Мне безразлично все, что останется за полосой этого вылета.

Он шутит, что его не касается этот быт. Он пытается быть свободным, но в нашей паре свободу выбрала я. Его свобода ему просто досталась. Как этот счет за кофе – его свободу принесли ему на подносе.

Он говорит: «Еще рано, куда тебе спешить, еще почти три часа до вылета». Мы кружим новые десять минут между стойками регистрации. И вот я сдаю вещи без очереди, одна из первых.

Рейс «Москва – Дели».

Мое сердце медленно закрывается.

Желтая полоса, и дальше провожающим нельзя.

– Напиши мне, когда прилетишь... или позвони. Хорошо?

Лишь бы отпустил.

Он удаляется с моими сапогами в пакете. Я в красных мокасинах Adidas. Тогда еще мне нравился красный.

Когда он спускается по эскалатору, я думаю о себе, про себя:

«Я заплачу за твою боль, но не сегодня. Сегодня я счастлива».

Теперь я одна.

Теперь печати в паспорте.

Я бы осталась просто здесь, в этой беспощинной зоне. «До свидания» – на всех языках мира – «Покидать. Уходить. Отправляться».

Дверка, разрешающая выход на посадку, открывается. Дальше только ручная кладь, самое необходимое.

Звонила мама и снова повторила, что уже сказала. Ничего по существу: «Никому не доверяй». Последний звонок из офиса: мы выбираем подарки для партнеров. Я говорю им: «Заверните в синюю бумагу. Прикрепите визитку к пакету с подарком».

«Поднимите шторы иллюминаторов. Пристегните ремни.

Наш самолет вылетает в Дели. Полет займет шесть часов».

Внутренний голос

Человек стремится к системе и порядку только для того, чтобы иметь возможность управлять другими: вещами, жизнью, людьми.

Но правила не защищают.

Сама жизнь не имеет правил.

Это тайна и неизвестный закон.

Глубоко внутри нас есть еще один голос, а за ним другой, и под самым дном этот голос толкает нас от привычного в тайное. Но вначале, вначале всегда это чувство: «что-то не так».

Что-то не так, и ты не находишь себе места.

Ты ходишь по кругу, и, кажется, этот привычный день тебя спасет, тебя спасет пятница, а затем суббота, спасет позвонивший друг и книга, и потом кино. Но «что-то не так», и это не проходит.

Снаружи все как было, но внутри – этот голос. Возможно, ты сходишь с ума. Возможно, это мир снаружи безумен. Ничто теперь не логично, не выверено, не истинно. Мы просто что-то такое осознали...

Словами не выразить.

Кто из вас улавливал этот голос, просыпаясь в три часа ночи, ощущая нереализованность жизни?

Или этот белый свет, который приходит на рассвете. И ты

знаешь, откуда этот свет пришел. Из какого-то близкого, родного мира. Из страны, которую мы предчувствуем.

Мысли о переменах делают нас задумчивыми. Вслед за этим приходят долгие, безразличные ко всему реальному и логичному мечты. Мы мечтаем о новой жизни.

Если смириться с этим голосом, возможно, однажды он притупится, но никогда не замолчит. Мы всегда будем лишены этого «чего-то нового», «чего-то своего».

Раскол, противоречие и неудовлетворенность общепринятым счастьем толкают нас к самим себе, к решению, за которым скрывается путешествие.

Искать, когда у нас уже есть. Чувствовать без внешнего знания. Жить по ощущениям. Совершать ошибки на первых порах. Разрушать когда-то построенное.

Все это разделяет нас с другими. Как и любой внутренний мир, он всегда отделяет нас от иных.

Мы не будем поняты другими. Невозможно объяснить другим, что произошло. Мы должны обращаться за поддержкой к «внутреннему».

Тогда мы еще не знали. Тогда было слишком рано, чтобы знать. Тогда мы должны были отдаться внутренним мирам.

Мы полны этими мирами.

Мы наполнены ими до краев.

Первый шаг – это шаг в пустоту, это мир, где живут миражи. Я зову этот мир безумным, потому что он еще не освоил мой разум.

Тот, кто признает свое безумие, тот, кто приглашает говорить безумие со сцены, – становится автором.

Неважно, что за автором скрываются другие миры, неважно, что творит не он, а целое Бесконечное.

У этого мира...

У этих миров – есть абсолютная власть над «порядком» других.

Дели

Запах горячей влажной земли, запах бензина. Гладкие линии крыш перронных автобусов. Нас доставляют в здание третьего терминала. Аэропорт Индиры Ганди. Быстрый паспортный контроль. «Первая индийская виза в паспорте», – замечает улыбчивый клерк с густыми закрученными усами.

Так ли чувствуют себя получившие свободу? Или это замаскированный в эйфорию страх? Страх всевозможности. Способен ли человек ощущать эту всевозможность всегда? Свободу творить все, что пожелаешь. В одно мгновение перекрыть все, что осталось. Перекрыть следующие тридцать-сорок лет. Сколько раз подобная возможность открывается перед нами? Создаем ли мы это сами, по своему велению – или и в этой свободе скрывается предназначение?

Было ли запланировано это путешествие? Кем и когда?

Что будет дальше?

Что я буду здесь делать, например, уже завтра?

Пока получаю багаж, рассматриваю других пассажиров. В них ничего знакомого. Я не могу рассказать о них, прочитать их лица.

Несколько иностранцев. Они тут же сливаются с общей массой круглолицых, гладко сложенных индийцев. Пританцовывая, вырываются, торопятся наружу в город. Они взволнованы, они меняют одежду на индийскую. До этого они бы-

ли будто запечатаны. Похоже, они не первый раз в Индии.

Могу ли я довериться всеобщей радости? Или остаться собой? Нет, лучше не смешиваться. Лучше не заимствовать чужое, пока не обрету свое. Сохранить себя такой – удивленной, в ожидании нового, ничего не знающей. Ни к кому не присоединяться, никого не копировать, ни с чем не соглашаться без интуитивного четкого «да». Путешествовать в одиночестве.

Я оборачиваюсь назад, посмотреть на путь, который я прошла: светящееся квадратное здание с небесным коридором.

Аэропорт – особое, волшебное... *создание*.

Я не спешу, пока не начинаю видеть в темноте. Не покидаю зону света. Здесь новая черта. Я чувствую ее.

Толчок. Пинок. Откат назад. На полной скорости, резко тормозя, ювелирно отступая – рой из всего, что только может двигаться: шустрые рикши – маленькие цветные жуки, автомобили побольше, военные грузовики. Который час в Дели? Куда все это спешит?

Наверное, три утра. Почти накатывая, наезжая друг на друга, мы отталкиваемся и продолжаем уверенно двигаться. Этот город переполнен. Этот город свободен.

Вырванные светом фонарей прямо на улицу промышленные зоны. Улица тает в неизвестном мне окружении. Застроенные невысокими жилыми домами районы, линия государственных учреждений. Снова пустырь и ничего, а затем –

плотно построенный Новый Дели. Все это ночью.

Водитель такси – слишком молодой, слишком уверенный в себе. Глаза у него лукавые, а речь пламенная и порывистая. О чем он говорит? Я совсем не понимаю. Это английский или хинди?

Нужно, вероятно, несколько дней, чтобы научиться улавливать акцент. Быстрые, неизвестного рода буквы. Классический британский английский по-индийски. Мне нужно некоторое время, чтобы заполнить предложение артиклями, поставить подлежащее и сказуемое в нужные места.

«Зачем приехали в Индию? Сколько дней проведете в Дели? Первый раз в Индии?»

Он не снижает скорость. Долгоиграющий ряд вопросов – не для того, чтобы уловить ответ, а для того, чтобы поймать зрителя. «Давайте я отвезу вас в другой отель! Хороший отель, мэм. Давайте я отвезу вас завтра на экскурсию!»

Водитель говорит, разметывая сети, а ты ускользаешь от пищи для рыб и крючков. Я только что перестала быть пойманной.

Нарезав несколько лишних кругов по улице, где нельзя заблудиться, я, наконец, прощаюсь с разочарованным водителем такси. Куда он теперь поедет? Обрато в аэропорт? Кто прилетает в Индию сегодня?

Амбассадор, словно мерцающий жук скарабей, уползет обратно в темноту города.

Всего четыре утра.

Мне надо удержать, захватить это утро. Сколько еще будет таких «первых утр» в моей жизни? Сколько поднялось осознанности из обычной дорожной пыли. Как же дешево продаются сюда билеты!

Спящие улицы, спящие люди прямо на тротуарах.

Жизнь – это что-то такое, как сейчас. Это момент и его свидетель.

– Мэм, вы здесь живете?.. Мэм, вы бронировали номер? – окликает меня мальчишка, выглядывая через отверстие в двери.

Я киваю и протискиваюсь в темное помещение. Всего одна дежурная лампа под потолком. Здесь не хватает света. Возможно, все же стоит подождать рассвет?

– Когда взойдет солнце?

– Не раньше, чем в полседьмого, Мэм. Примите душ, отдохните с дороги. Я попрошу приготовить для вас чай. Хотите индийский чай со специями?

Я смотрю на него еще раз. Волосы, словно перья вороны, иссиня-черные, пропитанные маслом, отражают электрический свет фиолетовым бликом. Он нагибается над бланком, царапает в полутьме ручкой по бумаге. Звук острый, будто когтем по стеклу.

Я разглядываю стены, потолок отеля. Ничего из мебели – только стойка ресепшена и простые деревянные стулья.

По коридору, мимо спящих на полу людей. Натянутые на голову серые одеяла, босые ноги. Уборщики номеров не име-

ют дома.

Нужно некоторое время, чтобы понять «свою правду» этого места. Что у всего есть своя правда и в ней можно жить, как угодно.

Пока я могу воспринимать только так: обрывками, символами. Все это – картинки Дели... Еще не слились в единое.

Двадцать часов в невесомости звуков. Сон. Редкие, разби- вающие голову потоки. «Выезжающие» и «заезжающие» го- сти Дели. Голос различных языков мира. Скрежет по стенам.

Следующим утром, отоспавшись за всю последнюю бес- сонную неделю, я открываю окна и двери. Чувствую руками новую, влажную кожу.

Старый знакомый – встретивший меня парень – снова у двери.

– Доброе утро, мэ! Вы очень долго спали. Сейчас, подо- ждите, мне нужно отдать вам паспорт. Я не хочу отвечать за ваши документы. Паспорт – это очень важный документ в Индии. Лучше сделайте несколько ксерокопий и не остав- ляйте паспорт на ресепшене.

Я гляжу через просвет за его спиной. В Дели только зани- мается утро.

Делаю несколько глубоких вдохов-выдохов. Осторожно, тихо-тихо. Дверь-гармошка со скрипом разъезжается. Запах раннего города, дымка, продавившая воздух. Воздух, будто поскрипывающий от мороза. Это влажность реки Ямуны.

Линии домов в светло-фиолетовом небе. Порванные в

ключья воздушные змеи на крышах. Небо, перечеркнутое электричеством: провода поверх проводов, намотаны друг на друга клубками, как гнезда ворон. Гаснущее перед рассветом уличное освещение. Запахи утренней жизни: мыло и омлет. Запах индийского дома. Запахи, которые я не могу различить.

С этим в меня входит Индия.

Улица отелей и дешевых гестхаусов. Вывески, вкрученные друг в друга. Зеленые, желтые – как ящерицы: «Харе Кришна», «Кришна Плаза», «Хари ОМ».

Рикши – водители велосипедов с колесами и прицепом. Самый дешевый транспорт Индии. Самые худые люди, которых я когда-либо видела. Они еще спят под козырьками своих повозок, завернувшись в пледы.

В семь утра Дели уже разогнался и движется. Бойко распаковывает коробки утренний овощной рынок. Коровы в попытке сорвать угощение отогнаны и пробуют подступиться снова. Собаки – оранжевые и белые, как линии, переходящие друг в друга. Серые мартышки в ветвях деревьев охотятся за попкорном и мороженым. Женщина торгует чаем и сладостями у лотка на улице. Она наливает горячий чай в прозрачные стаканчики. Пар с ароматом специй поднимается в воздух, смешивается с туманом. Дальше этот запах становится сладкой росой.

Куда делись мужчины в дорогих костюмах, которые носят одеколон, который носит дорогое имя? Где эти бесконечные,

взмывающие до неба офисные леса? Здесь, вместо них, вытянутые наружу деревья-храмы, в них вплетены магические красные нити.

Храм Ханумана, храм Кали, храм Шивы.

Как входить в эти храмы?

В какой одежде?

Я внимательно наблюдаю снаружи.

Пахнет душистым маслом.

Что это за масло?

«Шива, Дурга, Парвати», – бросает на ходу человек в тюрбане. Что у него под этим тюрбаном? Длинные волосы или короткая стрижка? Люди склоняют голову перед черным камнем в центре храма.

Этим людям нравятся ритуалы.

Жрец храма улыбается, дает мне белые шарики с алтаря. На вкус они приторно-сладкие. «Это *прасада* – божественная милость».

Я гуляю. Я ем в кафе. Возвращаюсь в храм, нахожу другие храмы. Наконец, я смотрю на людей. Я смотрю на еще не понятых, не прочитанных мною европейцев. Длинноволосые мужчины и женщины, худые, плоские, с невыраженными формами. Все как один – облаченные в медленные жесты. Мужчины, похожие на женщин, и женщины, похожие на нимф. Они поклоняются друг другу. Что они делают? Танцуют? Совершают предсказания? Как в этой одежде можно путешествовать?

Он звонит и рассказывает мне новости.

Новость номер один рвет на части сигналом телефона.

Мне кажется, что шум на линии устроен мною тоже. «Мне трудно возвращаться домой без тебя».

Он рассказывает, что у него новый строительный объект на работе. Он заканчивает каждое предложение словами о том, что скучает и ждет.

Но я – как под водой.

Меня это не касается.

Как провода на слепках электрических мотков в небе Де-ли: сигнал мистически идет, но поступает лишь для избранной информации.

Поезд в Варанаси

Девушка на железнодорожном вокзале старого города Дели. Она притягивает взгляды, даже будучи одета почти поиндийски, даже скрывшись под этим платком. Она отличается от этого мира, как от любого другого, но в Индии это особенно заметно.

Разносчик чая наливает жирный горячий напиток. Нос чайника ныряет в маленькие глиняные чашечки. Глиняная посуда ручной работы – дешёвая рабочая сила. Пластик дороже.

Горы полуразбитых чашек валяются в урнах, вокруг урн, на платформе и прямо под поездами.

Всюду жизнь, движение людей и направлений. Носильщики вещей – кули. Женщины с красивыми лицами в расшитых сари. Женщины, несущие тюки на головах, держащие за руки детей. Старики в оборванной одежде присели отдохнуть на рельсы.

Пять часов назад я стояла здесь, в руках билет на поезд в Агру, но так и не села в вагон. «Тадж-Махал» – это единственное, что я знаю об Индии. Но название не вибрирует. Другое дело – «Варанаси».

В поезде важный железнодорожный служащий в форме. Он проверяет билеты, прокалывает их дыроколом. Я забираюсь на свое место. Натягиваю на себя все майки и спальник,

укрываюсь с головой. Соседи принимаются ужинать. Запах пряной индийской еды, движение колес по рельсам. Во сне я то здесь, то в России.

Утро пробирается вместе с холодом. Ветер гуляет по вагону. Люди лежат спинами друг к другу. Эти люди родились в Индии.

Вагон еще спит, и серый туман окутывает все без промежутка.

Я кладу слова друг в друга, впервые доверяю порыву Индии: не спать, но чувствовать и писать все, что вижу. С ошибками или без.

Пальмы по линии через поле. Новая деревня или город. Здесь никто не объявляет следующую станцию.

«В Индии пятьсот тысяч деревень у дороги», – регистрирует туристический путеводитель.

Люди идут с кувшинами к железнодорожной линии. Какают и писают, повернувшись к вагонам спинами, моются водой из кувшинов. Рисовые поля, словно кирпичики конструктора LEGO, разбиты на квадраты и выделены по цвету: нежно-зеленый, коричневый, терракотовый, желтый, пшеничный.

Это не уловит ни одна фотография – слишком велик объем.

Мы будто в туннеле из белой пены.

Пересекаем ее и оставляем лежать под колесами. Ветер разносит туман и обнажает суть деревенской жизни. Поезд

снижает скорость, поезд стоит среди полей.

Люди выходят в поле и теряются в облаке.

«Чай, чай, чай!» – проносится по вагону. Торговец чая идет в один конец поезда, возвращается, проходит мимо и снова возвращается. Поезд внутри поезда. Течение внутри течений.

Чай в маленьких стаканах по сто граммов. Чайный человек разливает горячий напиток из железного баллона с краном. Стерилизация и безопасность уходят в сторону, когда ты в индийском поезде.

Ты пробуешь все.

Я пробую все.

Сначала осторожно – только рис, потом рис и вареные овощи – карри. Потом первый стаканчик чая, за ним – второй и третий. В конце приносят мороженое.

Люди в вагоне обсуждают газетную новость: «Поезд вышел из южного города Тирупати и должен был ехать в Варанаси. Однако на развилке в Вийяваде, вместо того чтобы повернуть на север, поехал на восток. Он проехал девятьсот семьдесят километров в неправильном направлении. Чудо, что поезд не столкнулся ни с одним встречным составом».

Это не наш поезд?

Пригород Варанаси тянется, как третья сигарета моего соседа. Он наполовину вынырнул из дверей тамбура. Двери теперь не закрываются. Влажный, теплый, искристый от солнца воздух гуляет по вагонам, пересекает дребезжащие окна

и двери-гармошки.

Индийцы в маленьких городах очень любопытны. Кто-то машет мне рукой на платформе. Я успеваю разглядеть только руку – она худая и тонкая, как крылья птицы. Любое движение сейчас завораживает. Я ощущаю, как все предметы и формы обретают новый смысл. Теперь у меня есть возможность видеть заново.

Нет ярлыка или бренда на упаковке «Индия».

Нет ожиданий.

Мы входим в промышленную зону Варанаси, поезд снижает скорость, мы почти плетемся пешим ходом.

Всюду непонятные полуразрушенные здания. Один фундамент поверх другого. Заводские объекты, высокие кирпичные заборы, один переезд, другой переезд. Все это не спланировано, без номеров и названий улиц. Сюда, наверное, не пишут писем.

Рядом со мной женщина, которая молчала всю дорогу. Она неожиданно берет меня за запястье, кладет свою руку на мою. Мужчина рядом с ней – по возрасту, муж или брат – улыбается, глядя искоса на свою спутницу.

«Варанаси – это священный город, золотой город», – говорит эта женщина. На глазах у женщины слезы. «Мы попрощались здесь с сыном. Раз в год мы ездим сюда, чтобы делать церемонию его памяти». Моя рука в ее ладонях становится горячей. Глаза у нее теперь не черные – прозрачные. Глаза цвета пепла с молоком. Когда мы прибываем к перро-

ну, начинается дождь. На стекле появляются длинные капли. «Дождь – это к счастью. Хороший знак», – произносит женщина.

Она отводит свою ладонь и проводит ею по стеклу. Будто бы можно схватить эту воду.

Суэта в вагоне. Я сижу, поджав под сиденье ноги, поднимаю их выше, в сторону. Из-под меня выворачивают, выдавливают, выжимают огромные сумки, коробки и тюки. Багаж у этих путешественников поистине пугающе гигантский. Он пристегнут цепями, ремнями, привязан, прибит друг к другу: чтобы не украли за ночь.

Вот они – люди маленькой земли, живущие в непосредственной близости друг к другу. Они не боятся толкнуть того, с кем недавно говорили. В этой суэте не звучат «извините» и «пожалуйста». Эти слова не переводятся с английского на хинди.

Плоский вокзал Варанаси. Плоские крыши платформы. Прямо на земле, среди встречающих и приезжающих, поляна тех, кто не торопится. Последние – йогини-аскеты в оранжевой одежде. Я знаю, что их называют «садху».

Удар за ударом со всех сторон. Через вокзальную площадь на стоянку моторикш, мимо небольшого рынка. Коровы в Варанаси такие же, как в Дели, – худые и спокойные. Все остальное рвется вперед и движется.

Десятки водителей такси и рикш делят на части меня и рюкзак, но мы неразделимы. Когда я, наконец, договарива-

юсь о цене в пятьдесят рупий, меня накрывает счастье. Я в Варанаси – самом священном городе Индии.

Варанаси

«Хануман-гестхаус» – небольшой семейный отель, выкрашенный в красный цвет, названный в честь бога обезьян – Ханумана. С первого этажа, по крутым ступенькам, на крышу. Лестница такая узкая – вдвоем не пройти.

Моя единственная комната – пристройка на крыше. Пространство вокруг – собрание строительных балок. Вся жизнь, весь город и улицы – отсюда, сверху, – как вывернутая одежда: швами наружу. Если убрать весь этот мусор, было бы прекрасно, но... нет, нет. Это лучшее место, какое только можно представить.

– Сколько дней вы рассчитываете здесь прожить? – деловито спрашивает хозяин.

Мы договариваемся о цене в восемь долларов за ночь. Номер на крыше без соседей. Прежде чем оставить меня одну, он наставляет:

– Если вам нужна горячая вода, то нужно использовать бойлер. Двадцать минут, и вода нагрелась! Закрывайте окна, когда уходите, – тыча пальцем в сторону карниза: – Обезьяны! Они повсюду, унесут все, что только оставите: еду, одежду. Закрывайте входную дверь, даже когда находитесь в комнате.

Я закрываю входную дверь изнутри, оглядываю все углы и заплатки пространства: краска поверх краски, стены в ма-

линово-зеленых разводах. Матрац еще новый, с пакетом и фирменной наклейкой из магазина. Комплект коричневого спального постельного белья с извилистым узором, как на индийских сари. Старый, вероятно хозяйский, тяжелый комод с книгами на хинди. Всюду пленка из времени в форме пыли.

Комната, в которой я буду жить, пока не найду отдельную квартиру.

Когда, спустившись по лестнице, я сталкиваюсь с сыном владельца гестхауса, он радостно говорит:

– Вам показать дорогу к Ганге? Здесь всего три минуты. Короткий путь.

Ганга – вроде бы река, но течет как по небу.

Образ не соответствует отражению.

Образ проникает внутрь, входит, закручивает, высверливает.

Что-то холодное и горячее забирается под кожу, тревожит тонкими мелкими ударами.

Электричество просветления носится в воздухе.

Люди, но в этой плотности – одиночество. Масса печали и тоски по утраченному.

Что я утратила?

Я не помню точно.

С первой секунды я решаю здесь жить.

Абсолютно сдаться этой неопределённо-родной, слишком близкой реальности.

Покидать, но всегда возвращаться обратно в Варанаси.

Что бы ни происходило, сколько бы смертей между нами ни было.

Два неразделенных ума, две линии жизни.

Я и этот город – одно целое.

Старые трехэтажные дома, ступеньки, сырость. Дворцы – словно мудрые старики, глядящие в воду. Не действующие старые здания, некогда бывшие палатами царей, не ставшие коммерческими, доставшиеся людям как наследство. Теперь в этих дворцах живут деревья, цветы и обезьяны. Ничто здесь не приручено.

Разноцветные сари. Белые хлопковые простыни – они раскиданы, раскатаны, растянуты и сушатся под ногами. Их стирает специальная каста людей – дхоби.

Молочно-белые коровы, смолисто-черные быки, наряженные в старые футболки козы. Там и тут гнёзда маленьких щенков. Бродячие йогины – садху. Одни в длинных платьях, оранжевых, цвета охры – в знак отречения от мира. Другие не носят ничего, кроме набедренной повязки. Третьи, самые худые, в черных одеяниях.

Все это переплетено кружевами тумана и надписей. Все напоминает мне все мои прошлые жизни в Индии. Все эти люди, совсем как я сейчас, не имеют завтра.

Варанаси – центр классической индийской музыки. Здесь родился музыкант Рави Шанкар. Здесь практикуют *раса-йогу* – очищение чувств и эмоций при помощи звука.

К реке приходят два флейтиста. Слышны припевы и музыка: *«Харе – Рама – Харе Рам – Сарасвати Мата – Друга ма – Харари ла-ла Харари-ла-ла... Морарилал-сурисури – Сарасвати Мата»*.

Ганга застыла, движется без течения.

Вместе с этой музыкой под желтым светом высоких фонарей вырастает человеческая фигура. Мужчина закатывает обе штанины и погружается по колено в воду. Он наматывает на локоть толстый канат и уходит по воде, на лодке, в совершенную темноту.

«Плюх-плюх» – веслами по лунной глади. Пока совсем никого не остается. Ни лодочников, ни музыкантов. Только вода и девушка.

Я смотрю на саму себя в отражении. Слева дворец, справа – дворец, дальше – густой туман. Стряхиваю воду двумя руками, складываю ладони у сердца – это приветствие и прощание с Гангой.

Жизнь в Варанаси начинается в четыре утра: над рекой медленно проступает рассвет, и утренний холод обжигает реальностью нового дня. Я одеваюсь в длинное хлопковое платье. Выскальзываю в город и угадываю путь к Ганге.

Окна невысоких, не более трех этажей, зданий. Долгая полоса рекламных надписей на стенах: «Исцеление методом рэйки», «Курсы поднятия кундалини», «Чтение прошлых жизней». Общий вес всех этих вывесок падает на первые этажи расплывшихся от старости зданий. Швейные машин-

ки тарахтят, нашивают новую одежду, подгоняют под размер старую.

Качаури Гали – улица индийского фаст-фуда. Кхоа Гали – районы молочных продуктов. Татри Базар – рынок медных изделий. Всюду, в витринах магазинов и на прилавках, – выставка женских нарядов: сари из шелка.

Интернет-кафе: пыльные компьютеры с тяжелыми, вздутыми, стеклянными мониторами – такие теперь нигде не делают, но здесь они, как все, – реальность.

Мелкими шагами, из квартала, где живут и торгуют коврами мусульмане, в старую часть города. На обед в маленькое кафе «Саи» у храма Кали. Здесь готовят печеные лепешки с маслом. На завтрак кофе по-турецки, одно спелое, совершенное яблоко. На ужин – лепешки с сыром из печи и «палак панир» – творожный сыр со шпинатом.

Всегда пешком, чувствуя телом каждое мелкое событие. По пути – музыкальные классы. «*Ta Da Da Da – Ta Da Da Ta*», – слышно, как распевают дети.

Жизнь в Варанаси течет незаметно, однообразно и прекрасно. Она идеальна в молитвенном смирении, в попытке разобраться в этой жизни без карты. Пешком брожу по городу с миллионом жителей. До последнего не требую транспорт. Верю в собственные ноги – как в Бога.

Те же торговцы сувенирами, лодочники и продавцы гашиша. Здесь медитируют, поют мантры и занимаются йогой. Здесь моются, чистят зубы, стирают. Здесь делают поминаль-

ную церемонию *шраддха*. Весь мир этого города – пособие по изучению жизни.

Храм Бхайравы – грозной формы бога Шивы – разрушителя, где у входа встречают священные собаки. Храм Каши Вишванатх с крышей, на которую вылито восемьсот тридцать килограммов золота. Красный храм Дурги, где продают корзины с розами.

Гхаты – ступеньки к Ганге. Священны, как все в этом городе. Дасашвамедх-гхат – где бог Брахма поклонялся богу Шиве. Нарада-гхат – в честь сына Брахмы, божественного музыканта Нарады. Тулси-гхат – в честь поэта Тулсидаса, который написал «Океан деяний Рамы». Чаусатти-гхат – в честь свиты воинственной богини Дурги. Паломники приходят сюда весной, во время темной половины месяца чайтра.

На Харишчандра-гхате двадцать четыре часа в сутки идет кремация. По ночам я прихожу сюда, чтобы покормить собак. Поднимаюсь повыше, обхожу кремационные костры с догорающими в них телами. Наблюдаю за медитирующими стариками. Наливаю молоко в тарелку щенкам.

Днем город немного спит, немного останавливается, к вечеру все начинается сначала. Куда уходит история? Она всегда остается в настоящем – пока есть камни.

К вечеру снова открываются многочисленные «магазины у дороги». Продавцы чая возвращаются с тележками на улице.

Я захожу в магазин «Халдирамс» – здесь продаются луч-

шие индийские сладости. Покупаю молочные шарики «ладху».

– Пообещай, что будешь моей женой в следующей жизни, – обращается ко мне писклявый детский голос.

Я оглядываюсь назад. Мальчик лет семи держит меня за край юбки. Мать тянет его обратно. Мальчишка не отступает:

– Пообещай, что будешь моей женой в следующей жизни, – повторяет он опять.

Мать виновато пожимает плечами, поднимает ребенка на руки и уносит. Прежде чем они уходят, я говорю ему: «Обещаю».

Спустя месяц настойчивых молитв и общения с местными жителями я, наконец, нахожу здесь редкую квартиру, уставленную старинной мебелью, с красными старинными стульями и занавесками на окнах, расшитыми бисером. Я иду на Татри Базар, выбираю посуду из красной меди. Теперь у меня есть квартира, а вместе с ней появляется и первое имущество.

Поздно вечером я лежу на полу, целиком погруженная в воспоминания этого города. Сколько месяцев прошло? Все дороги, все храмы, которыми я иду, – сейчас внутри моего тела.

Аромат сладкого риса, пыльца из оранжевых ноготков, жасминовое масло. Сколько бы я ни смывала с себя эти звуки, запахи, события – они смотрят на меня изнутри, как под-

водное течение.

Я ощущаю нехватку слов, а затем не даю им выхода.

Как можно записать, исчеркать чернилами этот город? Город, который лучше, чем все, что я видела. Город, в котором я ощущаю себя призраком.

Философия

Ашиш – продавец тканей и одежды для туристов. Я прихожу к нему, чтобы посмотреть на город, как смотрят местные – через витрину.

В глубине его лавки уютно, как дома. Можно развалиться прямо на тюках с запасами тканей и наблюдать за причудливым миром снаружи.

Приходят покупатели, заказывают одежду по своему вкусу: просторное, длинное, «оригинальное». Ашиш водит мелом по ткани, раскраивая юбки и платья. Внутри у него всегда какая-то своя мелодия. Он напевает ее за работой.

Мимо лавки проходит человек в оранжевой одежде, каких много на улицах старого города. Он протягивает металлическое ведерко. Ашиш молча кладет туда монетку и поясняет:

– Время меняет многое. Варанаси очень изменился со времен моего детства. Ты не представляешь, что это был за город! Раньше здесь жили настоящие садху – отречённые.

– А кто тогда этот человек в оранжевой одежде? И почему вы даете ему деньги?

– Индия – очень духовная страна. У нас здесь много божеств, и мы боимся оскорбить кого-то из них. Мы не знаем, кто приходит к нам. Любой человек в Варанаси может оказаться божеством. Этот человек попросил без слов, я дал ему без слов. Я дал ему всего монетку, две рупии. Скорее всего,

он просто бездомный, бедняк в одежде отреченного. Настоящих садху сейчас не часто встретишь.

– Садху – это путешественники, у которых нет денег?

– Некоторые садху живут в одном месте, при духовных организациях, при ашрамах. Другие все время бродяжничают, ходят от одного священного места Индии к другому. В Индии ведь много священных мест. Главное правило садху – жить как можно дальше от места рождения. Дом нас ослабляет.

– Зона комфорта?

– Верно, зона комфорта, – смеется Ашиш.

– Возможно, я – это садху? Я как будто теряла дома силу. Все было хорошо, но не развивало. Я как будто жила только для тела, а здесь, в этом городе, мне будто совсем не нужно есть – везде энергия.

– Да, настоящие садху собирают не деньги, а энергию. Эта энергия – духовная сила. Они называют эту силу «шакти». Истинным садху не нужно собирать деньги. Деньги приходят к ним сами. Это люди носят им деньги – когда садху это нужно.

– Как же такое возможно?

– Это называется «сиддхи».

– Сиддхи у садху?

– Сиддхи – это сверхъестественные способности, которые приходят через суровую духовную дисциплину. Когда ты живешь как духовный человек, все, что тебе нужно, при-

ходит к тебе само по себе, естественно. Но для этого нужно быть немножко безразличным к тому, что тебе нужно. Я понял, что в жизни это тоже работает: нельзя ни за что цепляться. Нужно быть немного отреченным и смотреть на все желания со стороны.

– Вы говорите как мудрец.

– Все в Индии немного мудрецы. Наша жизнь обучает нас мудрости. Таково свойство Востока. Мудрость – это Восток. Запад – это острый ум.

– Мудрость и ум не одно и то же?

– Нет.

– Мудрость – это искусство. Ум – ремесло. Мудрец может не учиться в университете, но быть очень мудрым, знать то, что не знают другие люди.

– Как такое возможно?

– Мудрость в Индии – это божественное качество. Ум – человеческое. Мудрость спонтанна, она «самопроявлена». Мудрость не является приобретенным качеством.

– Как интересно! А какая бывает мудрость?

– Мудрость универсальна, а мудрецы разные. Кто-то мудр в зарабатывании денег, кто-то в духовной жизни. Если на нашем рынке есть успешный торговец, значит, он мудр в зарабатывании денег. Кто-то мудр в исцелении тела – тогда он хороший доктор. Это не значит, что он таков только из-за своего медицинского образования. У него есть мудрость в исцелении. Каждый человек мудр – кто в чем. Нужно най-

ти этот дар, эту мудрость. Найти свой дар – значит прожить жизнь очень счастливо.

– У каждого свой талант?

– Да!

– Мне нравится ход ваших мыслей. В России у нас есть тоже мудрецы. Например, мой бывший босс, он бизнесмен на рынке. Но рынок побольше, чем этот. Когда он уезжал отдыхать, то его телефон был всегда отключен. Я думаю, если ты можешь отладить до подобной точности свой бизнес, то ты мудрец. Если ты можешь жить без стресса и руководить собственной компанией – ты мудр. Есть у нас в России и духовные мудрецы – старцы в христианских монастырях. Но их мало, как и ваших садху. Сложно найти истинного христианина. В Библии сказано: «Много званых, но мало избранных». Это значит, что многие будут интересоваться духовным, многие пойдут в храмы, многие станут священниками, но мало кто поймет мысли Христа.

– Это находится в полном согласии с моей философией! Многие интересуются духовным, но не многие могут получить истинный опыт.

– Получается, что истинная духовность – это тоже талант, то, что дается свыше?

– Я думаю, что это так. Этому нельзя научиться. Но это можно активировать или развить. Чтение древних духовных писаний, встречи с другими мудрецами, особый стиль жизни – все это активирует мудрость. Вот сейчас, приехав в Индию,

ты активизируешь что-то духовное.

– Это как?

– Раньше в Индии была такая традиция: мастер отправлял ученика по местам его прошлой жизни. Тот должен был путешествовать, чтобы вспоминать себя. Мы говорим, что духовное пробуждение – это воспоминание, самореализация того, что есть внутри. Для души нет памяти, и душа перерождается. Прежде чем стать просветленным, человек учится духовной науке много жизней, пока не вспомнит себя совсем.

– Но у меня нет мастера. Я приехала... Мне снились сны и...

– Что было в твоих снах?

– Там были люди в белом, они стояли в белом зале в белой одежде. Там всегда был очень яркий белый свет. Когда я просыпалась, то помнила этот белый свет и ощущала страдание от разлуки с тем миром... Но тот мир каким-то образом заполнял меня и мои дни между снами. Во мне родилась тоска по другой жизни. Так я оказалась здесь.

– В Индии мы верим, что, если мы были с учителем в одной жизни, он найдет нас снова в другой. Лучшие учителя не имеют тела, лучшие посвящения приходят во сне. Когда ты приходишь к настоящему садху, он всегда спросит тебя: «Что тебе снится?» Твои сны были хорошими.

– Что, если я не верю в прошлые жизни?..

– Ты поверишь, потому что увидишь.

– Значит, я сейчас не вижу?

– Когда человек утратил связь с Богом, он потерял возможность видеть. Он духовно ослеп. Свет твоих снов – это свет, который мы больше не видим. Но он повсюду. Когда я много медитирую, то я вижу этот свет повсюду, в обычных местах. Я вижу ауру людей. Но когда я перестаю медитировать, то погружаюсь во тьму дней. Просветление – это возможность вернуть особое зрение. Когда ты возвращаешь это зрение, ты видишь Бога и себя. Сейчас ты не видишь себя истинную, ты не видишь Бога. Но все это здесь.

– Как вернуть это зрение?

– Для этого существует духовная дисциплина.

– Медитация является духовной дисциплиной?

– Да, как медитация, так и молитва...

– Как научиться медитировать?

– Духовную дисциплину дает гуру, учитель. Для каждого она своя. У гуру есть духовное зрение. Он видит тебя и знает, как сделать тебя видящей.

– Как же мне найти гуру?

– Сначала надо подготовить себя. Молись Богу, проси Его об этом.

– Кому же молиться, если у вас так много богов?

– Все эти боги есть божества, они не финальная форма Творца. Творец – это Абсолют, у него нет имени или формы. Ты знаешь о нашей богине Дурге? Она побеждает демонов. Ее создали все другие боги, отдавая ее созданию свою

энергию. Представ перед богами, она сказала, что не будет поклоняться им. Она сказала, что поклоняется только Единому Творцу. Я тоже поклоняюсь только Ему. Я не хожу в храмы. Разве если только ради эстетического наслаждения. В наших храмах поют, в наших храмах много покоя. Но я ничего там не прошу. Ты знаешь, что, когда в Индии устанавливают статую божества в храме, говорят: «На Тасйа Пратима Асти», что означает «у Него не может быть формы»? Таким образом жрец в храме подчеркивает, что, несмотря на то что здесь есть некий образ Высшего, у Высшего не может быть формы.

– Ни одна статуя не может воплощать форму Бога?

– Все статуи индийских храмов живы. В них есть энергия. Прежде чем статуя станет жить, жрец храма проводит церемонию оживления этой статуи. В статую перемещают шакти – жизненную силу, энергию. Это происходит со всем. Если ты возьмешь камень и будешь долго-долго читать над ним молитву, то он станет особенным. Мы называем такие камни «философскими». Такие камни могут говорить, отвечать на твои вопросы... Но сможешь ли ты этот камень слышать?

– Я точно не смогу. В христианских храмах у нас тоже есть много намоленных предметов. Они считаются тоже святыми, живыми...

– Принцип всегда одинаков. Молись над водой, и она будет живая. Ругай воду, и она будет мертвой. Ты смотрела фильм «Вода»? Посмотри.

– Все это не религия, а философия, верно?

– Верно. Это духовная философия, это не догматы. Но философия не для всех. Философия – для зрелых людей, которые готовы мыслить.

– А что остальным?

– У тебя слишком много вопросов...

– Слишком много вопросов – это плохо?

– Для женщины – пожалуй, да.

– Поясните.

– В Индии женщину готовят только для брака. У нее нет высшего образования, нет забот, кроме как накормить детей и мужа. Ты видишь, как мало на наших улицах женщин? Все они занимаются домом. В крайнем случае – они смотрят бесконечные сериалы. Йога, философия – все это создавалось мужчинами для мужчин. Женщинам некогда было заниматься разговорами. Единственная женщина, которую я могу вспомнить... она задавала слишком много вопросов. Как ты.

– Кем она была?

– Ее звали Гарги. Она жила очень давно. Она задавала вопросы обо всем на свете и добилась особого места среди мудрейших людей Древней Индии. Она хотела разгадать тайну Брахмана (Абсолют), природу Атмана (индивидуальная душа) и их взаимоотношений. Она занималась йогой, что привело ее к обретению сверхъестественных способностей. Ее приняли как первую женщину среди йогов и мудрецов. Она хранила целомудрие всю свою жизнь и не выходила за-

муж из-за страсти к высшему знанию, за что была особо почитаема. Она приходила к йогинам и аскетам своего времени и провоцировала их, нарушая их уверенность в личных знаниях о мире, трансформируя их представления о просветлении выдающимися новыми идеями. Однажды, придя к одному из индийских мудрецов, она так надоела ему, что он пригрозил ей: если она не перестанет мучить его вопросами – он отрубит ей голову. Она ответила, что отрастит себе новую голову – лучше.

– Эта женщина мне нравится! Она не просто задавала вопросы, но и держала удар!

– В Индии есть деление на два типа ума. Поверхностный и глубокий, философский. Йога устраняет поверхностный ум и развивает глубокий, философский. Гарги была воплощением философского ума. Она поклонялась Логосу.

– Ее ум не находился в ее голове.

– Верно. Он был ее телом.

– У нее не было страхов.

– Верно, она отрицала догматы, искала собственную истину и ничего не боялась. Большинству из нас нужно быть управляемыми. Нам нужно, чтобы нам говорили, что делать. Особенно женщинам.

– Позвольте с вами не согласиться.

– Не забывай, что ты находишься в Индии и что ты говоришь с мужчиной, и что этот мужчина старше тебя и знает о жизни с женщиной очень многое... Женщина боится ста-

реть в одиночестве.

– Этого бояться все люди.

– Верно. Одиночество – страх обоих полов, и это производный страх одного общего страха, который можно определить как бессилие перед судьбой. Но в Индии нет никаких гарантий. Ты спишь на улице, и при этом ты можешь продолжить существование. Что будет, если ты окажешься на улице в России?

– Я замерзну или пострадаю от людей. У нас бы всех этих ваших садху заклеямили. У нас есть русское слово-клеймо, очень страшное – «бомж». Мы думаем, что такие люди сами виноваты в том, что с ними произошло. И уж тем более, мы не думаем, что бездомный может оказаться божеством.

– Отправляйте таких людей в Индию. Здесь они не пропадут. У нас есть множество ашрамов, которые бесплатно кормят садху, у нас есть традиция духовного подаяния.

– Скоро я и сама начну всем этим пользоваться... Что вы думаете?

– А что думаешь ты? Зачем ты приехала в Индию?

– Думаете, у таких вещей есть «противосила»? Я имею в виду, что есть вещи, которые просто сносят тебя – вроде очень сильного ветра. Жизнь подхватывает тебя и несет. Я имею в виду, что мы не выбираем, но выбор уже несетя сквозь нас. Я не думаю, что я выбрала Индию. Все эти дни здесь одно сплошное «да». Я все здесь предчувствую. Все это мне знакомо, уже встроено в меня. Я интуитивно ощущаю

этот город, эту страну... Но, знаете, есть у вас откровенные
глупости...

– Это что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.